

КОЛХОЗЫ И КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СИБИРИ В 1939 г.: В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ

Анализируется советская колхозная статистика 1939 г. для служебного пользования в контексте выявления потенциальных возможностей колхозного производства в конце 1930-х гг. в Сибири.

В России в настоящее время отсутствует сколько-нибудь реальная стратегия развития сельского хозяйства. Можно говорить лишь о поиске решения современного аграрного вопроса в стране. В этом отношении известную помощь может оказать обобщение исторического опыта развития сельскохозяйственного производства в Сибири в 1930-е гг., крупного зернопроизводящего района СССР. Современная историография, посвященная аграрному сектору советской экономики в эпоху перемен конца 1920-х – 1930-е гг., в основном рассматривает коллективизацию и ее последствия и в меньшей степени – процесс колхозно-совхозного производства. Отечественные историки в последнее время редко обращаются к исследованию проблем сельскохозяйственного производства того периода [1].

В начале 1941 г. для служебного пользования было издано несколько выпусков статистических данных о колхозах за 1939 г., подготовленных отчетно-экономическим отделом Наркомата земледелия СССР [2]. В советской литературе эти данные использовались разрозненно и частично в основном экономистами, что же касается историков, то они к этой статистике прибегали крайне редко. Между тем советская статистика с грифом «для служебного пользования» при всех известных ее недостатках имеет ряд достоинств. Во-первых, ею руководствовались в процессе управления сельским хозяйством многочисленные хозяйственные органы, она считалась в советской плановой системе наиболее полной и точной. Во-вторых, ее изучение дает возможность уточнить планово-административное управление сельским хозяйством. Целью данного сообщения является первичный сравнительный анализ статистических данных по состоянию колхозной экономики Сибири (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области). Особенность вышеназванных статистических сборников заключалась в том, что они включали почти все хозяйства (99,1%) [2].

На протяжении рассматриваемых лет сложной оставалась ситуация с трудовыми ресурсами в колхозно-совхозной системе. В январе 1931 г. на Всесоюзном совещании отмечалось, что мужской труд применяется в год на 40–50%, а женский – всего на 25–27%, причем даже в самые напряженные периоды выходы на работу увеличиваются незначительно. В 1930-е гг. перманентно происходил уход крестьян из деревни и перемещение их из сферы сельского хозяйства в город. Соотношение мужской и женской рабочей силы и раньше оказывалось не в пользу мужчин из-за потерь в длительных войнах, но теперь разрыв становился все большим. Так, в ряде районов Сибири в 1931 г. из-за недорода отлив рабочей силы из деревни доходил до 30–40% [2].

Известно, что из сельской местности в города за 1929–1938 гг. переселилось 17 млн чел., сельское население сократилось на 7,5 млн, а число занятых в сель-

ском хозяйстве (вместе с членами семей) уменьшилось со 110 млн чел. до 84,6 млн, т.е. на 25,4 млн чел. Это вело к ослаблению производительных сил, нарушало хозяйственный ритм [1].

Эти процессы происходили и в Сибири. Колхозы и в конце 1930-х гг. по-прежнему в основном были небольшими: 55,8% из них насчитывали от 15 до 60 дворов [3. С. 33]. В конце 1930-х гг. в колхозах края работали всего 2417,1 тыс. чел, из них мужчин старше 16 лет – 946,6 тыс., женщин – 1041,6 тыс., подростков от 12 до 16 лет – 428,9 тыс. [2]. То есть основная трудовая сила – мужчины – составляла в сибирских колхозах всего 39,1%. Стоит обратить внимание на тот факт, что едва ли не пятую часть колхозного трудового потенциала составляли подростки, которые в силу своего физиологического, социального состояния не могли быть полноценными работниками. Об этом свидетельствует статистика распределения выработанных трудовых дней. Так, среди колхозников, не выработавших ни одного трудового дня, мужчин было 3,3 тыс., женщин – 20,9 тыс. (43%), а подростков – 24,2 тыс. (50%) [2]. Вышеприведенные данные показывают, что женщины являлись значительной трудовой силой в колхозах. Они вслед за подростками составляли основной контингент игнорировавших колхозное производство. Женщины и подростки являли собой основную массу колхозников, выработавших только положенный минимум трудовых дней – 91%. Такое состояние с трудовыми ресурсами дает возможность предположить, что невысокая трудовая дисциплина и низкая производительность труда в колхозах были связаны не в последнюю очередь с этой особенностью трудового потенциала хозяйств. Можно констатировать, что к концу 1930-х гг. в сельскохозяйственном производстве Сибири осталась наименее активная и мобильная часть населения.

Особая роль женщин проявлялась и в том, что они по выработке от 51 до 300 трудовых дней являлись явными лидерами, на их долю приходилось 712,2 тыс. трудовых дней, тогда как мужчины имели всего 371,2 тыс. трудовых дней [2]. Зато в выработке от 300 и выше трудовых дней на долю мужчин приходилось 533 тыс. против 159,7 тыс. у женщин и 6,5 тыс. у подростков [2]. В целом процент взрослых колхозников (к числу взрослых мужчин, принимавших и не принимавших участие в работе), не выработавших установленного минимума трудовых дней, по Сибири составлял 2,3%, по РСФСР – 9,2, по СССР – 8,4%. Среди женщин аналогичный показатель по Сибири – 14,7%, по РСФСР – 20,2, по СССР – 22,2% [2]. Таким образом, можно сделать предположение о том, что сибирские колхозники отличались большей дисциплинированностью и работоспособностью в сравнении с колхозниками других регионов.

Сложившаяся структура трудовой интенсивности колхозников показывает ограниченные возможности ее роста, поскольку женщины и подростки в сибирских колхозах в конце 1930-х гг. составляли более 60% всех трудовых ресурсов сибирской деревни, тем более что материальный стимул в колхозном секторе по-прежнему был очень слаб. Например, в Сибири на выдачу по трудодням колхозникам и трактористам пришлось всего 15,2% валового сбора зерновых и бобовых [2] и это при том, что на растениеводство приходилось более 60% всех выработанных трудодней.

Налоговая система, установленная в 1933–1934 гг. в виде обязательных поставок государству, натуроплаты работы МТС, продажи потребительской кооперации (за которой стояло государство) не способствовала подъему заинтересованности колхозников в наращивании объемов производства. Характерный пример: в Сибири в 1939 г. обязательные поставки продукции животноводства составили в среднем 40,8%, а выручка за эту продукцию – всего 16,3% [2], т.е. в два с половиной раза меньше. Более того, необходимо учитывать, что реальный объем сдачи по обязательным поставкам был значительно выше, поскольку план определялся заранее по абсолютным натуральным показателям и слабо считался с уровнем падежа в животноводстве. Подобная ситуация была и в других сферах колхозного производства. Таким образом, происходило почти бесплатное отчуждение в пользу государства всей произведенной в колхозах продукции.

Во второй половине 1930-х гг. власти попытались создать систему материального стимулирования труда колхозников. Центральные хозяйственные органы предлагали на местах действовать в основном убеждением, а не насилием, поощрять лучших колхозников морально и материально. Однако при этом государство не ослабляло своих требований к объемам продукции, сдаваемой колхозами. В этом отношении любопытную картину поощрений в 1939 г. дает статистика для служебного пользования. Дело в том, что с 1939 г. государство усилило (после некоторого снижения ставки натуроплаты в 1937 г.) налоговый пресс на деревню. Урожайность стали определять по «биологическому» принципу, т.е. исходя из урожая, определяемого на поле без учета возможных потерь [8]. В 1939 г. всего 4,2% сибирских колхозов выдали звеньям премии-надбавки и 4,5% дополнительно начислили трудодни звеньям за получение высокого урожая. Наибольшее количество таких хозяйств было в Алтайском крае, соответственно 11 и 12,2%, наименьшее в Красноярском крае и Омской области, 0,1 и 0,4% соответственно. Однако самые крупные премии-надбавки и начисления дополнительных трудодней на одно звено были в Новосибирской области (3384 руб. и 593 трудодня) против соответствующих в Алтайском крае – 1059 руб. и 61 трудодень. Благодаря этим двум регионам средние показатели по Сибири весомо выглядели на фоне РСФСР – 1656 руб. и 185 трудодней на одно звено против 1249 руб. и 129 трудодней по республике. В целом же статистика подтверждает, что премиальный фонд был чрезвычайно скудным и не мог серьезно повлиять на повышение производительности труда. Эта же статистика свидетельствует о весьма далеких от ударных темпах труда и его результатах [2].

На протяжении 1930-х гг. валовые сборы и урожайность всех хлебов оставались по-прежнему низкими.

Средняя урожайность зерновых по стране в эти годы колебалась от 6,7 до 8,5 ц/га и не достигла уровня 1913 г. [9]. Крайне низкой была продуктивность молочного колхозного стада в Сибири. Доля колхозов, где на корову приходилось от 800 до 1200 л надоев, составляла 67,5%. Колхозы в основной массе были маломощными. На хозяйства с доходами от 5 до 20 тыс. приходилось 18,6%, а с доходами от 20 до 50 тыс. руб. – 35%, т.е. доля откровенно слабых колхозов в Сибири составляла 54%, доля середняков (от 50 до 100 тыс. руб.) – 30%. И только 14,6% колхозов имели доходы от 100 до 240 тыс. руб. и 1,4% – свыше 240 тыс. руб. [2].

Объективной оценки требует и деятельность МТС. Использование техники в деревне было неудовлетворительным. Из-за плохого обслуживания и эксплуатации десятки тысяч машин ежегодно выходили из строя, проработав 2–3 года. Поэтому средняя выработка на один трактор в первой половине 1930-х гг. была невелика, не превышая по стране в 1933 г. 363 условных гектара и 405 в 1934 г. В целом услуги МТС были нужны для многих колхозов, но обходились чрезмерно дорого. Плата вносилась натурой и деньгами, а с 1933 г. только натурой в размере 20% урожая зерновых, хлопка и картофеля [1]. В Западной Сибири в 1933 г. комбайнами был убран урожай на 41,3% посевных площадей (в 1932 г. – на 17%). Реальное использование тракторов в 1933 г. составляло 31,3% от нормативного (в 1932 г. – 26%) [5]. К лету 1934 г. лишь 31% МТС (14%) выполнили свои обязательства перед колхозами [6]. Аналогичной была ситуация и в других районах страны, например на Дальнем Востоке, куда сельскохозяйственная техника поступала более интенсивно, чем в другие края. Весной 1933 г. трактора использовались всего на 50%. Вместо планировавшихся 20 ч в сутки трактор работал в среднем почти в 2 раза меньше. Нагрузка на комбайн составила в 1932 г. всего 34 га, в то время как техническая возможность позволяла скашивать по 200–250 га за сезон. Простой техники вызывались поломками в процессе работы (37%), неудовлетворительной организацией труда механизаторов (14%), ночными простоями (14%). Сказывалась нехватка квалифицированных и большая текучесть механизаторских кадров. Главной причиной текучести являлись недостатки в оплате труда, уравнительности [10]. Если же учесть, что к середине 1930-х гг. в Западно-сибирском и Дальневосточном краях лошадей осталось 37–49%, а волов еще меньше, то становятся понятными причины неудовлетворительной обработке пашни.

В то же время натуроплата колхозов за работу МТС становилась все более обременительной для многих сибирских колхозов. Статистические данные 1939 г. косвенно свидетельствуют о такой тенденции. Попытки колхозов отказаться от «медвежьих» услуг МТС и проводить работы исключительно своими силами квалифицировались как «подрыв социалистического земледелия» и жестко пресекались. Между тем, например, если в 1934–1935 гг. колхозы Омской области сдали МТС зерна в 2,2 раза меньше, чем государству в счет обязательных поставок, то в 1938–1939-е гг. – уже в 1,7 раза больше [8. С. 169, 170].

В 1930-е гг. перманентной оставалась проблема с руководителями колхозов. В колхозах в значительной степени сохранялось неумение управлять общественным хозяйством, председателям колхозов в условиях

жесткого административного управления сельским хозяйством не удалось выстроить эффективную систему организации работы и материального обеспечения колхозников. У них было не много рычагов для укрепления стимулов привлечения людей к труду. В резуль-

тате кадровой круговерти за эти годы так и не сложился более или менее стабильный корпус председателей колхозов. Первое десятилетие колхозной системы в Сибири дало удручающую картину состояния кадров руководителей колхозов (таблица [2]).

Регион, республика, страна	Процент председателей колхозов на 1 января 1940 г.		
	До 1 года	От 1 до 3 лет	Свыше 3 лет
Алтайский край	45,1	37,5	17,4
Красноярский край	50,2	36,2	13,6
Новосибирская область	48,6	37,8	13,6
Омская область	45,3	35,4	19,3
Итого	47,0	36,9	16,1
РСФСР	50,4	34,9	14,6
СССР	48,6	35,2	16,1
СССР 1938 г.	48,4	35,1	16,3

Приведенные данные свидетельствуют, что почти половина председателей сибирских колхозов работали меньше года и лишь 16,1% имели стаж более трех лет. Если же к этому добавить, что почти 8% председателей были в возрасте до 25 лет, то становится очевидным – процесс формирования кадрового состава председателей колхозов продолжал находиться в зачаточном состоянии. Все это, в свою очередь, породило в колхозах серьезные проблемы с грамотным и рачительным ведением финансово-производственной деятельности. В 1939 г. 25,3% сибирских колхозов имели растраты и недостачи и 25,7% не смогли свои затраты покрыть доходами [2].

Анализ советской историографии свидетельствует, что партийные и государственные органы власти потратили немало идеологических и интеллектуальных ресурсов, чтобы поднять уровень колхозно-совхозного производства [7]. Для повышения уровня организации труда и производства в сельском хозяйстве использовались чрезвычайные формы и методы управления, в частности политотделы МТС и совхозов. Современные отечественные историки отмечают, что при всех издержках использование этих органов в Сибири помогло поднять уровень организации труда и производства в колхозах и совхозах Сибири [4. С. 223–224].

Однако серьезных и крупных изменений в колхозном производстве не произошло. В целом приведенные статданные Наркомзема СССР показывают, что накануне Великой Отечественной войны хозяйственное положение большинства колхозов Сибири было не ус-

тойчивым, лишенным серьезных материальных и иных стимулов. Большинство хозяйств были фактически убыточны. Естественно, что война только усугубила отмеченные позиции. Поэтому неудивительно, что колхозная система только к концу 1950-х гг. смогла выйти примерно на те же уровни, что и перед войной, а это, в свою очередь, перманентно вызывало все новые проблемы в колхозном производстве. О серьезных проблемах в колхозном производстве говорят и результаты исследований некоторых историков. В частности, А.Б. Суслов на конкретном материале пришел к выводам о том, что продуктивность скота в колхозах в 1940-е гг. была ниже, чем в лагерях и колониях УИТЛК (по Московской области), а по урожайности зерновых показатели в колхозах и совхозах и в лагерях были близки [3. С. 89–90].

В современной литературе 1930-е гг. по характеру динамики сельскохозяйственного производства в стране с некоторой долей условности делят на первую и вторую половину десятилетия. Начало сплошной коллективизации отмечено тенденциями к депрессии, застою и упадку. С середины десятилетия характерной стала медленная и неустойчивая стабилизация, связанная с утверждением колхозно-совхозной системы в сельском хозяйстве [1. С. 46]. Наш сравнительный анализ служебной статистики 1939 г. свидетельствует, что это была в большей мере кажущаяся стабилизация в сравнении с катастрофой 1930–1932 гг. Колхозники с большим трудом приспосабливались к коллективизированной деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мошков Ю.А. Коллективизация и сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. М., 1997. № 3. С. 46–74.
2. Колхозы в 1939 году (по годовым отчетам). М., 1941. Ч. 1–4.
3. Суслов А.Б. Проблема эффективности принудительного труда в СССР (1929–1953 гг.) (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 85–97.
4. Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Томский государственный университет, 2000. 226 с.
5. Советская Сибирь. 1934. 18 февр.
6. Советская Сибирь. 1934. 29 июля.
7. История крестьянства СССР: В 5 т. М.: Наука, 1986. Т. 2.
8. Ильиних В.А. Податное обложение зернового хозяйства Сибири (конец 1920-х – начало 1940 г.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 159–172.
9. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник, 1935 г. М., 1936.
10. Лыкова Е.А., Прокураева Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Экономические науки» 18 сентября 2006 г., принята к печати 21 сентября 2006 г.